

Письмена истории в реалиях современности

Учит ли нас история? Если да, то чему? Если нет, то почему? Этими вопросами человечество задавалось всегда. Но в переломные, драматические эпохи историю допрашивают с особой страстью, болью, надеждой. В одну из таких эпох мы живем уже более полутора десятков лет. И какое-то время казалось, что самые разрушительные тектонические сдвиги уже позади. Однако события последнего времени показали, что это не так. И одно из самых знаковых в их чередѣ - это кавказская трагедия 2008 года.

События в Южной Осетии и Абхазии исчерпывающе прояснили то, о чем все долго спорили, - степень жесткости, бескомпромиссности и последовательности мощных и влиятельных сил на Западе в попытках вытеснить Россию из сферы, которую там теперь рассматривают как зону "законных", не подлежащих ни малейшему сомнению интересов. То есть из постсоветского пространства. Стало очевидным абсолютное, воинственное и принимающее иррациональные формы неприятие этими силами перспективы возвращения России в статус крупного, самостоятельного игрока на глобальной арене.

Без всякой иронии мы должны быть признательны и США, и ЕС (при всем различии их позиций по ряду проблем) за честное и не слишком запоздалое раскрытие карт, за прекращение затянувшегося спектакля под названием "К России - с любовью, или Партнерство ради мира". Нет худа без добра, начинается новая игра с куда более понятными правилами.

Вот только насколько она нова, в данном случае применительно к Кавказу? Ответы на этот вопрос, подчас поразительные и неожиданные своей острой и незапланированной провокативностью, предлагаются в недавно изданной книге известного историка и кавказоведа В.В. Дегоева "Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия" (издательство "Рубежи XXI", 2009 г.). Читая эту книгу, то и дело забываешь, что речь вообще-то идет о событиях весьма почтенного прошлого, которые, в принципе, предполагают куда более академичное, спокойное восприятие, нежели наша современность. Чего точно не обещает книга В.В. Дегоева, так это удовольствия читать ее, абстрагируясь от нынешней тревожной действительности.

Предмет изучения автора - международное соперничество на Кавказе во второй трети XIX века - уже сам по себе кажется парадоксом. Какое может быть "международное соперничество" по поводу региона, ставшего с конца 1820-х годов де-юре и де-факто частью Российской империи? Какое государство того времени, сопоставимое по силе и статусу с Россией, стало бы терпеть вмешательство внешних сил в дела собственной территории? Почему именно западные державы, оберегавшие как зеницу ока любые свои приобретения за тридевять земель от метрополии, взяли на себя инициативу решительного оспаривания российских прав на Кавказ, во-первых, полученных в результате волеизъявления местных народов, во-вторых, санкционированных русско-иранскими и русско-турецкими договорами и, в-третьих (по счету, но не по значению), позволяющих противостоять историческим угрозам безопасности южных границ России?

Автор отвечает на эти вопросы путем воссоздания панорамной и детально прорисованной картины острого противоборства, развернувшегося на кавказском геополитическом поле между различными игроками - внешними и внутренними, крупными и мелкими, умелыми и неопытными. Эта картина получилась крайне противоречивой, сложной, мозаичной, как сама жизнь. Даже те элементы, которые кажутся в ней случайными, в конечном итоге логично вписываются в русло неких закономерностей. Достичь этого удастся во многом

за счет привлечения громадного по количеству и яркого, выразительного по качеству материала - как документального, так и историографического (в работе около 2,5 тысячи сносок и примечаний). Путем кропотливейшего просеивания этого материала и удачной его компоновки автор достиг эффекта, при котором зачастую ничего не нужно ни интерпретировать, ни комментировать. Многие из цитируемых высказываний героев данной книги, похожие на афоризмы, оказываются самым убедительным способом раскрытия сути вещей.

Сквозная тема монографии - проблема войны и мира на Кавказе в контексте тех внешнеполитических факторов, которые были заряжены мощным деструктивным потенциалом. К ним в первую очередь отнесено русско-британское соперничество на Востоке с характерным для него высоким накалом. Внимание Англии к Черноморско-Каспийскому региону неуклонно росло по мере утверждения там влияния Петербурга. Когда длительный процесс присоединения Кавказа к России завершился, получив международно-правовое оформление в русско-иранском Туркманчайском договоре 1828 года и русско-турецком Адрианопольском договоре 1829 года, Англия вдруг открыто объявила эту территорию сферой своих жизненно важных интересов. Тут же на Кавказ зачастили иностранные эмиссары, чтобы создать военно-политические предпосылки для отделения его от России.

Параллельно в британских газетах и журналах набирала обороты пропагандистская кампания с ярко выраженной русофобской подоплекой. Россию изображали агрессивной, деспотичной, варварской державой, исторически предрасположенной к захватам. Она, как утверждалось, не достойна права на цивилизаторскую миссию на Кавказе, где обитают горцы, которые, хотя пока и являются "детьми природы", все же обладают врожденной тягой к свободе, демократии, равенству и справедливости, то есть к западным ценностям. Поэтому данную миссию обречена выполнять Англия.

Причину столь трогательного попечительства никто и не скрывал - превратить Кавказ в барьер на пути "русской экспансии" в сторону Турции, Ирана, Персидского залива, Афганистана и, самое главное, Индии. Горцы должны были стать "стражами у ворот" британской колонии, хорошо вооруженными и хорошо организованными. Примечательно, что почти никто из британских политиков и военных экспертов не верил в реальность "русской угрозы" Индии, но откровенничать на сей счет они позволяли себе лишь в служебных меморандумах. Публично же отказываться от очень удобного лозунга "Индия в опасности!" лондонский кабинет не спешил. Чем еще, как незаконными оборонительными целями, оправдывать наступательную стратегию выставления заградительных аванпостов против России в тысячах километров от индийских границ?

Другой излюбленной темой британских СМИ 30-60-х годов XIX века являлось торгово-экономическое (читай - колониальное) значение Кавказа, где есть "все, что нужно англичанам", в том числе рудные залежи и нефтяные колодцы. Кроме того, это огромный рынок сбыта для британских товаров.

Во всем этом не было бы беды (мало ли о чем пишут газеты), если бы с начала 1830-х годов официальный Лондон не стал практиковать очень рискованные методы претворения вышеуказанных идей в жизнь. В Петербург все чаще приходили сведения о появлении у кавказских берегов иностранных военных и торговых судов, выполнявших разведывательные миссии и доставлявших черкесам оружие, порох и другие запрещенные грузы. Чуть позже стали приезжать западные эмиссары, которые надолго поселялись среди горцев, искусственно разжигая пламя Кавказской войны прежде всего там, где она отличалась низкой интенсивностью.

Этим дело не ограничивалось. Британские "советники" настоятельно рекомендовали местным этнополитическим элитам образовать "Черкесское государство" и провозгласить его независимость от России. В секретных документах Форин офис не скрывалось, что это искусственное новообразование будет лишь помпезной декорацией, крайне необходимой, однако, в качестве объекта для международно-правового признания со стороны Лондона и в качестве инструмента осуществления британских планов на Востоке вообще и на Кавказе в частности. То, что "министры" должны находиться на содержании у Англии, даже не обсуждалось как само собой разумеющееся. (Здесь как-то даже неловко спрашивать у читателя, не вызывает ли это у него каких-либо ассоциаций - настолько поразительно сходство с нашими современными реалиями.)

На обращения русских дипломатов к Форин офис за разъяснениями следовали уклончивые ответы: руководители ведомства ссылались либо на свою неосведомленность, либо на отсутствие у них права контролировать частные коммерческие и иные предприятия.

Напряжение нарастало, пока в конце 1836-го-начале 1837 года оно не вылилось в один из самых опасных кризисов в истории русско-английских отношений. Задержание у черкесского побережья британской шхуны "Виксен", доставившей горцам оружие, спровоцировало крупный международный скандал и очень жесткие объяснения между Петербургом и Лондоном. Именно тогда Англия устами госсекретаря Пальмерстона прямо заявила о своем твердом намерении "положить предел захватам России", заслужившей того, чтобы "против нее ополчилась вся Вселенная". Знаменитая пальмерстоновская фраза - "Европа слишком долго спала. Она наконец проснулась" - звучала как зловещее предзнаменование. Средиземноморская эскадра Англии была приведена в полную боевую готовность и придвинута вплотную к входу в Дарданеллы. Британский посол в Турции потребовал от султана пропустить эти корабли в Черное море и дать согласие на строительство для них военно-морской базы в Потти или Батуми. Многие наблюдатели тех событий почти не сомневались в том, что дело кончится войной. Одним из них, кстати говоря, был Николай I.

Однако тогда войне помешало счастливое стечение обстоятельств, среди которых самые важные - отказ Порты от искушения открыть проливы и возобладавшее в Петербурге и Лондоне стремление к трезвому, прагматическому анализу ситуации.

Через 17 лет, в 1854 году, судьба была уже не столь милосердна к России: скапливавшийся горючий материал (в том числе в сфере кавказского вопроса) воспламенился - началась Крымская война, которую многие, особенно западные, исследователи считают если не мировой в точном смысле слова, то ее очень близким прообразом.

Мне как историку не раз доводилось сталкиваться с разными, порой диаметрально противоположными взглядами на происхождение этой "странной" войны. И до сих пор я полагаю, что в этом вечном и по большому счету неразрешимом споре стороны уже исчерпали свои "козырные" аргументы и дальше дискуссия будет вращаться по замкнутому кругу, оживляясь разве что благодаря игре ума, нюансировке, перестановке акцентов и т.д.

Читая книгу В.В. Дегоева, выясняется, что это не совсем так. Я имею в виду не только уровень профессионального анализа причин войны, произведенного с помощью тонких исследовательских инструментов, но и его новаторский характер. Во всяком случае впервые в мировой историко-графической литературе автор убедительно сформулировал нечто вроде

гипотезы о том, что кавказская проблема сыграла далеко не последнюю роль в генезисе Крымской войны. Более того, эта мысль перестает быть гипотезой в свете развернутой в книге подробнейшей картины военной, политической и дипломатической деятельности союзников по отторжению Кавказа от России и возвращению ее к допетровским границам.

Западные политические аналитики и политические практики считали Кавказ самым слабым звеном Российской империи, развал которой следует начинать с удара именно по южной периферии. Мысли о том, чтобы "завести там Гибралтар" и превратить Черное море в "английское озеро", повторялись на разные лады. Западноевропейские СМИ запестрели призывами воспользоваться "уникальной комбинацией обстоятельств" (образованием небывалой по мощи антироссийской коалиции) и покончить с "русским медведем". Другого такого шанса не будет: когда Россия найдет достойное применение своим неисчерпаемым природным и людским ресурсам, справиться с ней уже не сможет никто и никогда. Тот же Кавказ превратится из ненадежной и дорогостоящей "колонии" в "жемчужину царской короны", в огромный восточный плацдарм и бесценный источник пополнения русской армии, в которой кавказские народы будут служить своей новой родине верой и правдой.

Когда знакомишься с соответствующими экспертными выкладками, заполнившими тогдашние европейские печатные издания и внутриправительственную конфиденциальную документацию, ощущение дежавю следует за тобой неотступно. "Фултонские речи", "длинные телеграммы", "директивы СНБ", "империя зла", "сдерживание России", "шахматные доски", "столкновение цивилизаций" и прочее - все это, оказывается, уже было. Была и "холодная война". Только называлась она, с не очень легкой руки Киплинга, иначе - "большая игра в Азии", частью которой являлись горячие события 1853-1856 гг. на Кавказе. Диву даешься даже не совпадению идей, а совпадению слов.

Победы России на кавказском театре Крымской войны, одержанные, между прочим, при активной помощи местных иррегулярных ополчений, опровергли западный миф о том, что этот регион являлся ахиллесовой пятой Российской империи. Однако желание вновь проверить ее позиции на Кавказе на прочность было отбито не у всех и не навсегда. Анализ того, что и кем это делалось после Парижского конгресса 1856 года, который был вынужден официально подтвердить прежний международно-правовой статус Кавказа в качестве российской территории, дает еще один повод для исторических сопоставлений.

В условиях, когда "старой Европе" (Англии и Франции) пришлось проявлять уважение к "кавказским" статьям Парижского мира и соблюдать хотя бы внешние приличия, беспрецедентно агрессивную военно-политическую деятельность в Черкесии, направленную против России, развернула "новая", "революционная" Европа в лице польских и венгерских эмигрантов в Турции. Во многом по их вине Кавказская война на Северо-Западном Кавказе продолжалась еще в течение пяти лет после капитуляции имама Шамиля (1859 г.) и имела тяжелые последствия.

После завершения этой войны (1864 г.), казалось бы, расставившей все точки над "и" в вопросе о принадлежности Кавказа, охотники произвести геополитическую ревизию не перевелись. Соответствующие попытки предпринимались в 1877-1878 гг., в 1914-1921 гг., в 1941-1945 гг., и закончились они безрезультатно.

В 1991 году - результат налицо. И он не только и не столько в образовании трех закавказских государств, сколько в появлении у Запада уверенности в возможности

вернуться к стратегии осуществления его "исторических" целей в отношении России - для Европы всегда слишком большой, слишком сильной и слишком "другой".

Как это обычно случается, ко времени поспело идеологическое, вполне наукообразное обоснование для такой стратегии, теория "конца истории". Она стала необычайно популярной вовсе не потому, что воплощала собой высшее интеллектуальное озарение человечества. А потому, что имела глубокий практический смысл, быстро схваченный западными политическими элитами. В этом своеобразном либеральном перифразе идеи о "бремене белого человека" практикующие политики увидели очень удобное прикрытие для решения задач по переконструированию глобального порядка в собственных интересах.

Сначала было объявлено, что после исчезновения биполярной системы у неевроатлантического (в переводе с политкорректного - "отсталого") мира нет иной альтернативы, кроме как принять евроатлантические образцы демократии, то есть совершенно определенную трактовку понятия "цивилизационный прогресс". Затем последовало массивное и совершенно бестактное насаждение новых ценностей на постсоветском пространстве, облеченное в форму антироссийских цветных революций, цель которых - стать локомотивами политики расширения НАТО на восток и на Кавказ.

У нынешних приверженцев наступательной модели поведения Запада на южном фланге постсоветского пространства есть выбор. Они, конечно, вольны следовать заветам своих политических и идеологических предшественников, нагнетая, по их примеру, напряженность и провоцируя кризисы, один из которых вылился в 1853 году в большую войну. Вместе с тем почему бы, хотя бы любопытства ради, не полистать другую западную "политологическую" литературу XIX века. Там попадаются мысли удивительные, воистину пророческие.

Так, в начале 1820-х годов, почти одновременно с программным трудом "классика" британской русофобии Роберта Уилсона, вышли в свет записки его соотечественника Роберта Лайелла, несколько лет путешествовавшего по России (в том числе, кстати, по Кавказу). Суть наблюдений последнего сводится к следующему: Российская империя - это бескрайняя, богатейшая и могущественная страна с особой цивилизацией, способной органично вобрать в себя сотни народов и культур. Ее можно не любить за то, что в Европе считается дикостью, или восхищаться тем, что достойно восхищения независимо от вкусов. Но вот чего определенно нельзя делать, по мнению автора, так это желать разрушения этого колосса, ибо "под его обломками будет погребена вся Европа". Сказано в 1825 году!

Тогда же немало говорилось и о том, что Кавказ является естественным южным продолжением Российской империи, интересы безопасности которой в этом регионе дают Петербургу право на защиту их любыми средствами. Признание этого права со стороны Запада - неременное условие для выстраивания нормальных российско-европейских отношений в колониальных и иных вопросах. И уж во всяком случае - для того, чтобы максимально сократить шансы на лобовое столкновение с абсолютно неведомыми последствиями.

Не стоит ли современным западным политикам прислушаться и к этим голосам истории? Как знать, может именно так удастся обострить у евроатлантической цивилизации притупившийся инстинкт самосохранения и возродить генетическую способность демонстрировать блистательные образцы рационально-холодного мышления.

К чему бы ни располагали исторические аналогии и исторический опыт - к оптимизму или к пессимизму, - никакого другого, более ценного учебного пособия у современных политиков нет. Захотят ли, сумеют ли они верно распознать тайные или явные письмена истории и использовать это знание во благо общества - зависит только от их интеллекта и воли. А вот платить за последствия плохой учебы придется не только и не столько им.